

А. Н. Федоров

Слабые секретари: региональные руководители СССР 1946–1948 гг. в оценках ЦК ВКП(б)

Два последних десятилетия в отечественной историографии «позднего сталинизма» наблюдается устойчивый интерес к региональному руководству СССР. Долгое время данная тема занимала в основном зарубежных ученых, которые стремились выявить карьерные траектории и управленческий стиль руководителей республик, областей и краев и проследить их взаимоотношения с высшим руководством¹. В конце 1990-х гг. эти сюжеты заинтересовали и российских историков, в результате чего появились первые отечественные исследования о региональной политической элите СССР и сборник документов о взаимодействии центра и регионов в послевоенный период². Затем началось издание историко-биографических справочников³, были созданы электронные базы данных региональных руководителей РСФСР и других союзных республик⁴, стали периодически появляться работы по истории партийно-советской номенклатуры отдельных регионов⁵ и кадровым чисткам конца 1940-х — начала 1950-х гг.⁶

Несмотря на значительное количество публикаций о региональной элите СССР первых послевоенных лет, некоторые аспекты темы еще не исследованы в должной мере. Например, не полностью выявлены масштабы и механизмы ротации регионального руководства в 1946–1953 гг., недостаточно освещены причины и обстоятельства «ленинградского», «московского» и прочих «дел». Лишь эпизодически изучалась организация кадровой работы в ЦК ВКП(б), в частности отбор кандидатов на ключевые номенклатурные должности, порядок согласования кадровых перестановок и их направленность. Наконец, до

**Федоров
Алексей Николаевич**
канд. ист. наук,
доц., Челябинский
государственный
университет
(Челябинск, Россия)

сих пор нет четкого представления о том, как центр оценивал профессионализм и деятельность региональных кадров.

В принципе, для изучения последнего из обозначенных аспектов имеется немало источников. Оценки региональных руководителей можно почерпнуть из кадровых постановлений Секретариата и Политбюро ЦК ВКП(б) и материалов к ним, но они, как правило, малоинформативны, так как обычно включают лишь послужной список работника и краткую справку о причинах его освобождения или назначения. Некоторые сведения можно почерпнуть из персональных дел, заведенных Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б) на руководителей, нарушивших партийную дисциплину или злоупотребивших служебным положением; впрочем, эти документы касаются лишь незначительной части номенклатурных работников и малодоступны для исследователей. Выяснить обстоятельства некоторых кадровых перестановок и тем самым определить, как высшее руководство оценивало того или иного регионального управленца, можно с помощью дневников и воспоминаний, но их немного, а содержащаяся в них информация не всегда достоверна. В этой ситуации ценным источником становится кадровая документация, которая готовилась в подразделениях ЦК ВКП(б), отвечавших за подбор региональных кадров, — Управлении кадров (1939–1948 гг.) и Отделе партийных, профсоюзных и комсомольских органов (1948–1954 гг.). Многие из этих документов (анкеты, отзывы, записки, списки резерва и т. п.) сохранились и ныне вполне доступны. Более того, среди них встречаются такие уникальные комплексы, как подборка заключений на секретарей ЦК и обкомов компартий союзных республик, обкомов и крайкомов ВКП(б) за 1946–1948 гг.⁷

Упомянутые заключения, т. е. характеристики, содержащие вывод о соответствии работника занимаемой должности и предложения насчет его дальнейшей карьеры, в 1946–1948 гг. подготовили в Управлении кадров ЦК ВКП(б) (далее — Управление). Данное подразделение было создано весной 1939 г. специально для того, чтобы «тщательно изучать достоинства и недостатки каждого кадрового работника» и «вовремя и смело выдвигать новые, молодые кадры»⁸. Однако сначала Управление из-за быстро разраставшейся номенклатуры ЦК ВКП(б) даже не успевало учитывать все кадровые перестановки, а во время войны в основном занималось хозяйственными вопросами⁹. Кадры в этот период, по сути, не изучали, а характеристики на номенклатурных работников писали лишь в связи с очередным назначением¹⁰. Ситуация изменилась только с наступлением мирного времени, когда возросла потребность в высококвалифицированных управленцах и вновь понадобилось ведомство, которое бы специально занималось их подбором. Именно поэтому во второй половине 1946 г. по инициативе И. В. Сталина и под руководством А. А. Кузнецова Управление реорганизовали, номенклатуру ЦК ВКП(б) существенно сократили и заодно упорядочили кадровые процедуры¹¹. Тогда же перед Управлением вновь поставили задачу «глубоко и всесторонне изучать деловые и политические качества руководящих работников по результатам их деятельности» и «создать резерв кадров для выдвижения на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу»¹².

В первые послевоенные годы изучение кадров проводили традиционным способом: сначала собирали информацию о номенклатурном работнике, а затем составляли на него заключение. С лета 1946 г. до апреля 1948 г. в Управлении подготовили 4632 заключения (планировали более 7000), в том числе на союзных министров и начальников центральных ведомств — 38, их заместителей — 370, секретарей региональных партийных комитетов — 745, председателей Советов министров союзных и автономных республик, исполкомов краевых и областных Советов — 100¹³. Наибольшее внимание уделяли первым секретарям, сбор информации о которых планировали завершить к апрелю 1947 г., однако эта работа затянулась и продолжалась до весны 1948 г. В итоге на партийных руководителей регионов составили 179 заключений, из которых в документах Управления, хранящихся в РГАСПИ, удалось найти 132¹⁴. Анализу этих источников и посвящена данная статья.

Изучение корпуса региональных руководителей было вызвано, как о том на собрании работников Управления в июне 1946 г. поведал А. А. Кузнецов, необходимостью «немедленно заменить сейчас целый ряд первых секретарей обкомов»¹⁵. Чтобы задание было выполнено самым тщательным образом, от инспекторов Управления, занимавшихся составлением заключений, требовали собирать разноплановую информацию о руководителе и объективно оценивать его профессиональные качества и потенциал. По поводу того, откуда и как черпать нужные сведения, особых вопросов не возникало, поскольку соответствующую методику разработали еще в 1930-е гг. О ней на одном из совещаний в ЦК ВКП(б) в 1948 г. напомнил коллегам А. А. Кузнецов: «Первое. Это личная беседа с товарищем. Второе — изучение документов. Третье — проверка по этапам деятельности. Четвертое — отзывы товарищей по работе. Пятое — личное наблюдение его по работе. И, наконец, шестое — проверка данного товарища на конкретных заданиях»¹⁶. Однако такого порядка придерживались не всегда. Инспекторы, загруженные текущей работой, обычно ограничивались изучением имевшихся под рукой документов (личное дело, характеристики, справки и т. п.), сбором отзывов о человеке и беседой с ним, причем чаще всего по телефону. Для личного наблюдения за работой секретаря необходимо было побывать в соответствующей партийной организации, но командировки в нужный регион бывали редко или туда направляли других инспекторов. В результате некоторые заключения представляли собой лишь немного дополненный послужной список и не отличались информативностью¹⁷.

Значительные затруднения у инспекторов вызывали критерии оценки партийных руководителей. Эти критерии были озвучены еще в конце 1930-х гг. в известной формуле о подборе кадров по политическим и деловым признакам. Тогда политическими признаками считали «преданность партии», «понимание политической линии партии» и политическую (теоретическую) подготовку, которая позволяла «свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке». Под деловыми признаками обычно подразумевалась «пригодность для конкретной работы», которую определяли по опыту работы в отрасли и должности, оперативности и конкретности руководства, уровню образования¹⁸. На практике пригодность руководителя чаще всего оценивали

по тому, как он выполнял задания вышестоящих органов и был ли замешан в публичных скандалах. Это, в частности, подтверждают причины, по которым ЦК ВКП(б) в 1940 г. накануне отчетно-выборных партийных конференций срочно заменил 61 секретаря рескомов и обкомов партии. Из этих секретарей 28 не справились с работой, на троих имелся компромат, а еще пятеро лишились должности из-за дискредитации начальства, интриганства, конфликтных отношений с коллегами, игнорирования критики в центральной прессе и «запущенности партийного хозяйства», под которой понимали крупную растрату¹⁹. В годы войны риторика о кадрах отошла на второй план и партийных руководителей стали оценивать почти исключительно по тому, как они выполняли поручения центра²⁰.

В мирное время быстро вернулись к прежним формулировкам. По поводу политических качеств разногласий практически не было, и среди них, как и прежде, значились социальное происхождение, партийность, партийный стаж и партийно-политическое образование, в том числе самостоятельное изучение марксистско-ленинской теории. В этот перечень стали включать и моральный облик руководителя, который определяли по его личным качествам, семейной жизни, отношению к служебным обязанностям и поведению на публике. С политической точки зрения рассматривали также разные проступки, начиная от злоупотребления служебным положением и самоснабжения и заканчивая спекуляцией (в том числе родственников). Зато перечень деловых качеств для многих кадровиков, в том числе из ЦК, оставался неясным. Предполагалось, что к таковым относятся опыт руководящей работы, стаж работы в должности и уровень образования, но разъяснений о том, какими должны быть эти показатели у разных должностных групп, сверху не поступало. Например, в июне 1946 г. А. А. Кузнецов признался коллегам: «Политические признаки ясны, а деловые признаки мы не расшифровываем. Мы должны выработать единство методов в подборе кадров». Спустя полтора года, в марте 1948 г., выступая перед секретарями обкомов и крайкомов партии по кадрам, он вновь ограничился общими фразами: «...я политическую сторону, политический принцип в подборе кадров не беру, у нас здесь более или менее ясно, а вот деловой принцип — здесь нет ясности, мы себе четко еще не представляем». Единственное, что тогда разъяснил А. А. Кузнецов, так это то, что секретари обкомов и крайкомов должны знать партийную работу районного уровня, быть теоретически подготовленными и знать политику партии²¹. В такой ситуации инспекторам Управления не оставалось ничего иного, как исходить из собственного разумения столь общих указаний и ориентироваться на новые постановления ЦК ВКП(б) о кадровой работе.

Качество заключений зависело не только от того, как для них собирали и обрабатывали информацию, но и от того, как ее излагали и комментировали. Несмотря на стандартную структуру (биографическая справка, характеристика регионального комитета, обзор деловых и личных качеств секретаря и краткий вывод о нем) заключения отличаются друг от друга по объему и, следовательно, информативности. Так, наиболее подробные характеристики (по 3–5 страниц), насыщенные статистическими данными по всем отраслям хозяйства, ссылками

на решения ЦК ВКП(б), конкретными примерами, отзывами и критическими замечаниями, составляли на первых секретарей партийных комитетов областей РСФСР и Казахстана. Заключение на партийных начальников прибалтийских республик, украинских и белорусских областей менее пространны (в среднем 2–2,5 страницы), но все же содержат минимум данных, с помощью которых можно составить представление о ситуации в регионе и профессиональных качествах его руководителя. Наконец, самые краткие (по 1,5–2 страницы), формальные, фрагментарные и порой напоминающие панегирик заключения чаще всего готовились на секретарей ЦК и обкомов компартий кавказских и азиатских республик. Такая «территориальная» дифференциация документов не вызывала нареканий со стороны руководства Управления, так как отражала хозяйственный и партийный «рейтинг» регионов. «Средняя» по меркам РСФСР Архангельская область по количеству коммунистов и объемам промышленного производства вдвое превышала все области Таджикистана вместе взятые, и поэтому в Москве Б. Ф. Николаеву уделяли внимания больше, чем его азиатским коллегам.

Заключения, составленные на секретарей региональных комитетов партии, проверяли несколько раз: сначала заместители заведующего отделом кадров партийных организаций, затем заведующий этим отделом и, наконец, лично А. А. Кузнецов. В ходе этих проверок заключения, как правило, дорабатывали, а в ряде случаев подвергали существенной корректировке, и прежде всего это касалось выводов о профессионализме и карьерных перспективах секретарей. Данные выводы должны были соответствовать мнению высшего руководства, зафиксированному в постановлениях ЦК ВКП(б). Если появлялось новое решение, то уже утвержденные характеристики срочно переписывали. Так, на первого секретаря ЦК КП(б) Узбекистана У. Ю. Юсупова одни и те же инспекторы составили два заключения: в ноябре 1947 г. и апреле 1948 г., т. е. за полгода до и через неделю после разгромного постановления ЦК ВКП(б) «Об ошибках ЦК КП(б) Узбекистана и Совета Министров УзССР по руководству хлопководством в 1947 г.». В первом заключении говорится о том, что Юсупов «вполне соответствует» своей должности, а во втором записано, что он «при устранении указанных недостатков, изменении стиля и методов в своей работе с обязанностями... справится»²². Впрочем, помимо директив ЦК составителям приходилось учитывать и мнение своего непосредственного начальства. Здесь показателен пример секретаря ЦК КП(б) Украины по кадрам А. А. Епишева, которого в сентябре 1947 г. предложили освободить от занимаемой должности по причине его «медлительности, неорганизованности и растерянности». Это предложение А. А. Кузнецов категорически отверг, поэтому, когда через несколько месяцев ему представили заключение на А. А. Епишева, то речь там шла о том, что Алексея Алексеевича «необходимо оставить в должности»²³.

Почти все заключения на первых секретарей региональных комитетов партии начинаются с краткого изложения (1–2 абзаца) биографических данных: года рождения, национальности, года вступления в партию, уровня образования (при наличии высшего образования указываются название учебного заведения, время его окончания и полученная специальность), политической

подготовки (курсы, Высшая школа партийных организаторов (ВШПО) или Высшая партийная школа (ВПШ) при ЦК ВКП(б)). Социальное происхождение указано только у руководителей ЦК и обкомов компартий прибалтийских, кавказских и среднеазиатских республик. Далее перечисляются руководящие посты, которые человек занимал до назначения первым секретарем регионального партийного комитета, указываются месяц и год вступления в занимаемую должность. В случае если ранее секретарь возглавлял другие партийные организации, то одной-двумя фразами сообщалось о его прежних успехах или провалах. Лапидарность всех этих сведений и почти полное отсутствие комментариев к ним позволяют предположить, что такие базовые показатели профессионализма партийного работника, как партийный стаж, опыт партийной и руководящей работы, стаж работы по занимаемой должности и уровень образования, либо соответствовали некоей норме, либо вовсе не считались значимыми. Это хорошо видно по тому, как составители заключений относились к уровню образования региональных начальников.

Из 132 проанализированных нами заключений следует, что высшее образование имел 51 первый секретарь (38,6%), незаконченное высшее — 14 (10,7%), среднее — 42 (32,1%), неполное среднее — 18 (13,7%), низшее — 6 (4,6%). Эти цифры в целом соответствуют данным из других источников, например из отчета Управления за 1946 г., где указано, что первых секретарей с высшим образованием на 1 января 1947 г. было 36,4%, а с незаконченным средним и начальным — 22,1%. Заметим, что по этому критерию первые секретари уступали остальным секретарям — вторым, третьим и особенно по пропаганде (среди последних с высшим образованием имелось 68,7%). Более того, даже в крупных обкомах партии доля всех руководящих работников с высшим образованием достигала 45%, а в Ленинградском горкоме ВКП(б) — 73,9%²⁴. Если учесть, что в ЦК ВКП(б) тогда считали, что секретарям райкомов партии требуется образование не ниже среднего, то логично предположить, что для секретарей обкомов партии такой планкой являлось высшее образование, и тех, кто не имел вузовского диплома, следовало бы «забраковать». Но в Управлении преобладал практический подход к проблеме, поэтому за высшее и среднее образование засчитывали и соответствующую партийно-политическую подготовку, а на незаконченное среднее и низшее образование внимание обращали только в том случае, если первый секретарь явно не справлялся с обязанностями, например в течение нескольких лет не добивался выполнения хозяйственных планов. Показательно, что из шести региональных руководителей, окончивших церковно-приходскую школу, только К. К. Мукумбаева и М. В. Слоня предложили командировать в ВПШ, поскольку они были «не в состоянии в дальнейшем обеспечить руководство». Н. В. Дземешкевича и М. И. Золотухина как опытных и «всесторонне развитых» управленцев, наоборот, планировали оставить на прежней работе, а по поводу образования Ж. Шаяхметова и У. Ю. Юсупова комментариев вообще не было.

Достаточно произвольно в Управлении оперировали и таким критерием профессионализма, как опыт работы, который включал в себя общий стаж руководящей работы, стаж работы в отрасли и стаж работы в занимаемой

должности. Со стажем руководящей работы, т. е. работы на любых руководящих постах, у первых секретарей региональных партийных комитетов в 1946–1948 гг. был полный порядок: почти все они управляли чем-нибудь свыше 10 лет, что считалось хорошим показателем. Впрочем, для определения пригодности партийных начальников большее значение играл стаж партийной работы. Судя по имеющимся заключениям, практически все первые секретари длительное время работали в партийном аппарате: более 10 лет — 54 человека (41%), от 5 до 10 лет — 67 человек (50,8%) и от 2 до 5 лет — 7 человек (5,3%). По этому показателю они ощутимо превосходили всех прочих секретарей обкомов и крайкомов. Однако, вопреки приведенным цифрам, в Управлении опытными признали только 41 первого секретаря, так как полноценным опытом партийной работы считалось последовательное прохождение всех ступеней, начиная от секретаря первичной организации и секретаря райкома до рядового и затем первого секретаря обкома или рескома. Тот же А. А. Кузнецов неоднократно подчеркивал, что в обком следует брать людей, поработавших в райкомах. Тем не менее внимательное изучение заключений показывает, что постепенно по карьерной лестнице поднялось большинство первых секретарей, и непонятно, что помешало всех их назвать опытными руководителями.

Вопросы возникают и насчет стажа работы по должности. Из заключений и других кадровых документов следует, что чем солиднее у первого секретаря был этот показатель, тем лучше, по мнению Управления, он знал специфику региона, местное хозяйство и кадры и, соответственно, лучше справлялся с обязанностями. Так, из 65 «новичков», возглавлявших обком или крайком партии не более двух лет, только 7 вникли в местные дела настолько, что добились отличных результатов, и еще 16 человек проявили себя «хорошо». Среди секретарей-«старожилов», пребывавших в должности более четырех лет, полностью освоившихся и справлявшихся с делами было гораздо больше — 37 человек. Вместе с тем слишком длительное пребывание в одной должности в ЦК ВКП(б) считали крупным недостатком, поскольку секретари-«долгожители» рано или поздно утрачивали интерес к работе, становились менее энергичными, свыкались с неустранимыми недостатками и, главное, успевали окружить себя своими людьми. Самым подходящим средством против такого «засиживания» являлся перевод на такую же должность в другой регион (так называемое перемещение) или на ответственную работу в центральные структуры. Но из двух десятков первых секретарей рескомов и обкомов, бессленно проработавших на своем посту по 7–14 лет, запланировали переместить только троих.

Политические качества руководителей, упоминаемые в заключениях, так же размыты и двойственны, как и деловые. В 132 документах в соответствии со сталинской формулой о подборе кадров упоминаются три секретаря, преданных делу партии (А. М. К. Алиев, И. П. Бойцов и П. Ф. Чеплаков), один без идейных колебаний (З. Т. Сердюк) и один, который «в оппозициях и антипартийных группировках не участвовал» (С. Я. Киреев). Насчет преданности остальных секретарей партии речь не заходит. Видимо, в послевоенные годы ее наличие у руководителей регионального уровня сомнений не вызывало и упоминать о ней было необязательно. Зато о политической подготовке, так

или иначе, говорится почти во всех заключениях. Среди первых секретарей оказалось четыре десятка политически грамотных, зрелых и подготовленных или же имеющих «широкий политический кругозор». Еще 25 человек самостоятельно занимались «повышением политического уровня». Секретарей с недостаточной, невысокой и слабой политической подготовкой выявили всего 18, и еще 14 мало или вовсе не расширяли свои политические знания. Во всем этом описании политической подготовки секретарей примечательны два момента. Во-первых, разнообразие речевых оборотов, свидетельствующее о том, что к середине 1940-х гг. в кадровой документации партийных органов единый язык еще не сложился. Во-вторых, необоснованность большинства оценок. В 1946 г. руководство страны, желавшее поскорее поднять профессиональный уровень советских управленцев, вновь объявило политическую подготовку, теперь включавшую в себя знание не только марксистско-ленинской теории, но и политэкономии, международных отношений и истории СССР, обязательной для любого партийного работника. Однако в 1946–1948 гг. среди первых секретарей лишь немногие имели среднее (советско-партийная школа, курсы марксизма-ленинизма) и тем более высшее партийно-политическое образование (ВШПО, ВПШ). В этой ситуации составители заключений, по сути, схитрили и объявили политически грамотными не только тех, кто недавно поступил в партийные школы или заявил, что самостоятельно изучает теорию, но и всех, у кого имелся вузовский диплом. А слабая политическая подготовка идентифицировалась, как правило, по двум взаимоусугубляющим показателям: образованию ниже среднего и «слабому руководству».

Что действительно ценили в региональных руководителях послевоенных лет, так это их умение выполнять задания центра. О том, насколько первый секретарь был успешен в этом, можно судить по справке об экономике региона и выполнении хозяйственных планов, которая в заключениях приводится сразу после биографических данных. Такая справка отсутствует только в 20 из 132 задействованных нами характеристиках, причем в 16 случаях это связано с тем, что секретаря недавно назначили на должность и обсуждать его достижения или провалы было преждевременно. Справки различаются по объему (от пары строк до нескольких страниц) и степени детализации (от самых общих фраз до статистических выкладок по всем отраслям хозяйства за несколько лет), но обязательно содержат оценку экономического развития региона. О быстром восстановлении и успешном развитии ведущих отраслей хозяйства в регионе говорится в 57 заключениях; о частичных успехах, когда планы выполнялись нестабильно и не по всем показателям, — в 35; о «систематическом отставании» или даже критическом положении — в 20²⁵. Обоснованность этих оценок порой вызывает сомнения. Во многих заключениях речь заходит лишь об итогах истекшего года или только об одной и не всегда основной отрасли хозяйства, сведения часто приводятся по второстепенным показателям²⁶, а иногда оценка экономической ситуации в регионе и вовсе не подкреплена статистическими данными. В этом отношении показательно заключение на А. Е. Клещёва, которому поставили в заслугу, что некогда отстающая Полоцкая область в 1946 г. вошла в число передовых, но никак не пояснили,

в чем именно выразилось данное достижение. Примечательно и то, что «неуд» по экономике получили исключительно руководители областей РСФСР, хотя значительные проблемы имелись во всех союзных республиках. Но самое интересное, что хозяйственные неудачи отнюдь не всегда воспринимались в ЦК ВКП(б) как однозначное доказательство некомпетентности региональных руководителей. Ведь из 20 первых секретарей обкомов, которые несколько лет подряд не справлялись с хлебозаготовками или допускали иные «провалы», предлагалось заменить только 9. Видимо, кроме статистики в этом вопросе учитывали еще и общее состояние региона, прежние заслуги руководителя и значимость региона в общесоюзном масштабе.

Помимо экономики в большинстве заключений характеризуется, причем порой очень подробно, стиль руководства региональных руководителей. Этот несколько расплывчатый критерий оценки партийных работников был известен с 1920-х гг.²⁷, но в годы войны о нем фактически забыли. О стиле руководства вспомнили в 1946 г., когда центр начал кампанию по преодолению таких недостатков в работе партийного аппарата, как «подмена и мелочная опека советских органов», «выполнение функций снабженческих организаций» и «сращивание», которые в военное время стали чрезвычайно распространены. От партийных органов и их руководителей начали требовать правильного сочетания партийной и хозяйственной работы, более тесной связи с местными организациями, восстановления и развития внутривнутрипартийной демократии и новых методов руководства²⁸. Судя по заключениям, секретари без особых усилий «укрепляли связи»: они стали чаще выезжать в города, районы, колхозы, на предприятия, больше помогать райкомам и первичным организациям. Зато избавиться от привычки заниматься экономикой в ущерб другим делам удалось единицам, и многие секретари, как и прежде, были скорее хозяйственниками, чем партийными деятелями. Еще труднее происходил переход на новые методы управления. В отличие от диктаторского стиля, распространенного среди региональных руководителей, «правильный» стиль предполагал, что первый секретарь коллегиально решает все вопросы, контролирует работу аппарата и бывает на местах, поддерживает с коллегами деловые отношения, не допускает семейственности и вождизма²⁹, пресекает все злоупотребления подчиненных и даже консультируется с учеными³⁰. Именно такой стиль, по мнению центра, позволил бы в мирных условиях поддерживать эффективную работу аппарата управления и частично компенсировать непрофессионализм местных кадров. Но по мнению работников ЦК ВКП(б), этот стиль отличал лишь дюжину региональных руководителей, а отдельные его элементы просматривались в работе еще 30–40 человек. Остальные секретари так и не избавились от привычки единолично принимать решения, продолжали пренебрегать мнением членов бюро регионального комитета и низовых работников, приказывали, запугивали, грубили, безвылазно сидели в кабинете, пресекали даже робкую критику и окружали себя преданными людьми. Треть секретарей даже не умела наладить работу аппарата обкома или ЦК. Более того, некоторые «диктаторы» действовали настолько самонадеянно и жестко, что это приводило к таким конфликтам в региональном руководстве, уладить которые мог только центр³¹.

Стиль руководства во многом определял еще один критерий, по которому оценивали партийного руководителя, — авторитет. По тексту заключений видно, что под ним чаще всего подразумевали нормальные взаимоотношения первого секретаря с региональным партийным активом, т. е. руководителями местных партийных, советских, хозяйственных и правоохранительных органов. Наличие авторитета, в том числе большого и заслуженного, инспекторы Управления отметили у половины секретарей. Остальные, видимо, особым доверием и популярностью среди коллег не пользовались, но при этом не конфликтовали с ними и поддерживали приемлемые отношения. Полное же отсутствие поддержки со стороны местных управленцев выявили только у семи секретарей³². В мирное время такая ситуация считалась экстраординарной, поэтому всех неавторитетных руководителей Управление предложило немедленно заменить авторитетными товарищами. Подобные предложения не вызывают вопросов, поскольку были стандартными для того времени и действительно позволяли прекратить конфликты среди местных управленцев и преодолеть сопутствующую им дезорганизацию. Но из заключений совершенно неясно, как именно в ЦК ВКП(б) определяли наличие или отсутствие и тем более степень авторитета региональных руководителей. Понятно, что здесь учитывались разные факторы: от стиля руководства секретаря и его личных взаимоотношений с коллегами до того, как часто он выступал на публике и как реагировал на жалобы населения, только все это не поддается точному измерению. В принципе, реальное отношение местных управленцев к первому лицу региона можно выяснить с помощью результатов тайного голосования по его кандидатуре на выборах партийных органов. Однако в заключениях такие данные приводятся только на Д. Джангозина (Алма-Ата), против которого на областной партийной конференции в 1945 г. проголосовало 119 из 395 делегатов (30,1 %). Заметим, что, несмотря на разгромный счет (критичными в то время считались даже 9–10 % голосов «против»), его оставили первым секретарем, так как регион успешно выполнял хозяйственные планы. Впрочем, через несколько лет ситуация изменится, и значительное количество голосов «против» на выборах обкома или крайкома станет весомым поводом для замены двух десятков первых секретарей.

По состоянию дел в регионе и работе регионального комитета партии составители заключений чаще всего и определяли уровень профессионализма первого секретаря. Если область или республика более или менее справлялась с хозяйственными планами, а секретарю удавалось наладить работу партийного аппарата, то его признавали способным организатором, хорошим или крупным руководителем. Таких секретарей, хорошо разбиравшихся в основных отраслях хозяйства, умеющих решать любые вопросы, ориентироваться в обстановке, инициативных, оперативных и обладающих аналитическими способностями, оказалось 65 человек, т. е. почти половина. Наиболее выдающиеся из них умели также поддержать инициативу подчиненных и ставили перед центром вопросы перспективного развития региона. Остальных секретарей прямо не называют некомпетентными и слабыми, но это подразумевается, так как они, в отличие от «сильных» коллег, специальных знаний не имели, инициативу не проявляли,

занимались только «текучкой» и слишком надеялись на помощь центра. Более того, по мнению работников Управления, некоторые из них не имели элементарных организаторских навыков и вообще оставались работниками районного уровня.

Почти во всех заключениях портрет партийного руководителя завершается перечислением его личных качеств. Поскольку в сталинской формуле о подборе кадров эти качества напрямую не упоминались, то их перечень не был стандартизован и зависел исключительно от уровня образования и опыта автора характеристики. Из положительных качеств секретарей чаще всего упоминаются энергичность, скромность, требовательность, принципиальность, трудолюбие, культура, настойчивость, исполнительность и дисциплинированность, общительность, сдержанность, чуткость, тактичность и вежливость, отзывчивость, честность. Особое значение уделяется моральной устойчивости, под которой понимали нормальные отношения в семье, достойное поведение на публике и, конечно, отсутствие злоупотреблений и проступков. Если же говорить о недостатках, то в описании первых секретарей нередко фигурируют грубость, высокомерие, нетактичность, вспыльчивость, нескромность, нервозность, слабыхарактерность, самолюбие, самоуверенность, замкнутость и даже медлительность. Впрочем, для оценки пригодности партийных руководителей обилие и разнообразие их личных качеств не имело значения. Даже такой серьезный недостаток, как «недостойное поведение в быту», проявлявшееся в получении премий от хозяйственных органов, частых выпивках, расходовании партийных денег на личные нужды, неоднократной замене мебели в служебной квартире, в ЦК ВКП(б) не считали достаточной причиной для замены работника³³. С другой стороны, отсутствие недостатков не гарантировало человеку высокой оценки его профессиональных качеств. Из 14 первых секретарей обкомов, у которых не обнаружили ни одного личного и делового изъяна³⁴, рекомендацию о повышении в должности получили только К. Г. Бечвая (Аджария) и П. И. Селезнев (Краснодар).

Логичным финалом большинства заключений на руководителей регионов является краткий вывод об их профессионализме и карьерных перспективах. Содержание этих выводов представлено в табл. 1, но при ее рассмотрении следует учитывать несколько моментов. Во-первых, в 8 из 132 документов вывод по тем или иным причинам отсутствует³⁵. Во-вторых, при составлении таблицы пришлось унифицировать формулировки, встречающиеся в выводах. Так, обороты «должности соответствует», «способен обеспечить руководство», «работать может», «с обязанностями освоился» и им подобные сведены в графу «Соответствует должности», а вердикты «улучшить работу не сможет», «не в состоянии обеспечить руководство», «целесообразно укрепить руководство» и схожие с ними собраны в рубрике «Не обеспечивает руководства». В-третьих, среди первых секретарей, которых рекомендовали направить на учебу, следует различать тех, кто справлялся с обязанностями, но не имел «теоретической подготовки» (7)³⁶; тех, кому для дальнейшей карьеры недоставало высшего образования (12)³⁷ и тех, кто явно не справлялся с работой (7)³⁸. Для последних зачисление в ВПШ или на курсы переподготовки стало бы отсрочкой

Таблица 1
Выводы Управления кадров ЦК ВКП(б) о профессионализме первых секретарей региональных комитетов партии в 1946–1948 гг.

Первые секретари	Всего заключений	Заключения без вывода	Заключения с выводом					
			Соответствует должности	Выдвигать на большую работу	Переместить	Не обеспечивает руководства	Перевести на меньшую работу	Направить на учебу
ЦК компартий союзных республик	13	2	10*	–	1	–	–	–
Крайкомы и обкомы ВКП(б)	40	3	15	4	–	4	4	10
Обкомы КП(б) Украины	22	–	14	–	1	1	2	4
Обкомы КП(б) Белоруссии	10	1	8	–	–	–	–	1
Обкомы КП(б) Азербайджана	2	–	1	–	–	1	–	–
Обкомы КП(б) Грузии	3	–	1	1	1	–	–	–
Обкомы КП(б) Казахстана	15	2	8	1	–	–	–	4
Обкомы КП(б) Киргизии	6	–	1	–	–	–	1	4
Обкомы КП(б) Таджикистана	5	–	5	–	–	–	–	–
Обкомы КП(б) Туркменистана	4	–	3	1	–	–	–	–
Обкомы КП(б) Узбекистана	12	–	9	–	–	–	–	3
Всего	132	8	75	7³⁹	3⁴⁰	6⁴¹	7⁴²	26

* Два заключения составлены на первого секретаря ЦК КП(б) Узбекистана У. Ю. Юсупова.
Составлено по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1341–1345.

перед понижением в должности или завершением партийной карьеры. В свою очередь, перевод на меньшую работу мог означать понижение в должности, перемещение в менее престижный советский либо хозяйственный аппарат или перевод в менее котируемый региональный партийный комитет. Наконец, выдвижение на большую работу могло заключаться как в назначении первым секретарем более крупного обкома или же рескома, так и в переводе на высокие посты в центральных структурах.

Результаты обследования, проведенного Управлением кадров ЦК ВКП(б) в 1946–1948 гг., на первый взгляд кажутся обнадеживающими: первых секретарей, которые подходили для своей должности или могли остаться на ней после краткосрочной переподготовки, оказалось почти 80 %, а доля непригодных (следовало срочно освободить или перевести на менее значимые посты) составила 15 %. Но подобное благополучие нивелируют два момента. Во-первых, мизерное количество руководителей, которых можно было выдвинуть на более высокие посты (5,3 %). Это означает, что по-настоящему способных людей среди секретарей практически не имелось. Во-вторых, сомнения насчет обоснованности и объективности выводов, сделанных в Управлении. Как уже говорилось, составители заключений произвольно оперировали даже такими ясными критериями, как уровень образования, стаж работы по должности и политическая подготовка. Более того, в идентичных случаях выводы о профессионализме и дальнейшей судьбе управленца могли быть прямо противоположными. Примером такой субъективности или, лучше сказать, избирательности являются вердикты партийным руководителям Калужской, Пензенской, Рязанской и Саратовской областей, Марийской и Мордовской АССР, где в 1946–1948 гг. продолжался спад сельского хозяйства, начавшийся в годы войны. Этим руководителям одинаково распекали за плачевное состояние важнейшей отрасли, но если П. Т. Комарова, А. И. Марфина, К. А. Морщанина и И. Г. Попова планировали отправить на учебу, а С. А. Кочергина сразу понизить в должности, то И. Т. Колоколкина, у которого были и другие серьезные недостатки, признали соответствующим должности⁴³. Этот и другие примеры, негласные установки (в частности, на менее критичную оценку кадров союзных республик), разные оговорки (например, признание работника «вполне» соответствующим должности или пригодным при условии «устранения недостатков») свидетельствуют о том, что плохими работниками признавали только тех, кто безнадежно провалил задания центра, запустил работу аппарата, сам перестал работать и лишился поддержки местных управленцев. ЦК ВКП(б) понимал, что в основном региональные руководители были «слабыми» и не отличались профессионализмом, но избегал слишком прямых и категоричных оценок. И причины этой осторожности понятны: открыто признать непригодными половину первых секретарей обкомов, крайкомов и рескомов было немислимо, а достойной замены им на тот момент не имелось, так как «качество» вторых и третьих секретарей, из которых обычно рекрутировали первых, было еще хуже⁴⁴.

Практическое применение заключений, составленных в Управлении на первых секретарей региональных партийных комитетов в 1946–1948 гг., до-

казывает озвученный выше вывод. С одной стороны, эти заключения активно действовали в текущей кадровой работе: их подшивали в личные дела номенклатурных работников и использовали для подготовки текущих кадровых документов. Так, исходя из заключений, в 1947 г. Управление представило более 20 записок, где говорилось о необходимости замены самых слабых секретарей⁴⁵. В январе 1948 г., незадолго до проведения областных партийных конференций, на том же материале составили список руководителей, которых следовало заменить во избежание нежелательных ситуаций (резкой критики, провала на выборах и т. п.). В перечень попали первые секретари двенадцати обкомов ВКП(б), двух обкомов КП(б) Украины и одного обкома КП(б) Киргизии, причем четверых из них — М. Г. Кузнецова, А. И. Марфина, М. Токобаева и И. Г. Попова — срочно освободили от занимаемых должностей⁴⁶. В мае 1948 г., после конференций, по распоряжению Секретариата ЦК ВКП(б) в Управлении подготовили предложения для одиннадцати первых секретарей, против которых голосовало значительное количество делегатов (9–26%). Критические отзывы на них были заимствованы из имевшихся заключений⁴⁷. Но, с другой стороны, наиболее важные предложения (о выдвижении, освобождении и понижении), озвученные в заключениях, так и не были реализованы (табл. 2).

Таблица 2

Реализация предложений Управления кадров ЦК ВКП(б), озвученных в заключениях на первых секретарей региональных комитетов партии

Предложение	Количество предложений	Реализовано			
		1947 г.	1948 г.	1949 г.	1947–1949 гг.
Выдвинуть на большую работу	7	1	–	–	1
Переместить	3	–	–	1	1
Освободить	6	1	2	–	3
Перевести на меньшую работу	7	–	2	–	2
Направить на учебу	26	5	7	5	17
Всего	49	7	11	6	24

Составлено по: Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза (1898–1991). URL: <http://www.knowbysight.info/index.asp> (дата обращения: 10.01.2021).

Если учесть, что в 1947 г. всего сменилось 32 первых секретаря обкомов, крайкомов и рескомов партии, в 1948 г. — 58, а в 1949 г. — 46⁴⁸, то доля замен, проведенных по рекомендациям Управления, окажется очень скромной: 22, 19 и 13% соответственно. Более того, 40 из 75 региональных руководителей, которых предлагалось оставить в занимаемой должности, в 1947–1949 гг. сменили место работы: 6 из них повысили, 14 перевели

в другой регион или аппарат, 15 направили на учебу и 5 существенно понизили или арестовали. Это означает, что, несмотря на усилия Управления кадров ЦК ВКП(б), ротация регионального руководства СССР в первые послевоенные годы больше зависела от текущего момента и конъюнктуры (открывшаяся вакансия, указание высшего руководства, очередная политическая кампания, появление компромата и т. п.), чем от целенаправленного изучения кадров и работы по их улучшению. Для того же, чтобы реализовать наработки Управления, упраздненного летом 1948 г., и обновить корпус региональных руководителей, понадобились еще полдесятка лет.

Из вышесказанного следует, что после завершения Великой Отечественной войны руководство СССР стремилось улучшить работу всей системы управления, в том числе за счет обновления руководителей высшего и среднего звена. С этой целью Управление кадров ЦК ВКП(б) в 1946–1948 гг. осуществило масштабное изучение ключевых категорий номенклатурных работников, и прежде всего первых секретарей региональных комитетов партии. Чтобы объективно оценить их профессионализм, изучение производили как можно тщательнее, а критериями оценивания избрали не формальные признаки вроде образования, политической подготовки и стажа работы, а выполнение заданий центра, стиль руководства и взаимоотношения с местным партийно-хозяйственным активом. Несмотря на слабый анализ материалов, произвольное применение критериев оценки, явное смягчение самих оценок и существенную корректировку выводов, выяснилось, что большинство первых секретарей областных, краевых, республиканских комитетов партии не обладало элементарными организаторскими навыками и не могло эффективно управлять. Тем не менее в ЦК ВКП(б) решили заменить только управленцев, явно не справлявшихся со своей работой, а остальных сохранить за счет краткосрочной переподготовки. Однако в 1946–1948 гг. даже самых слабых секретарей заменить, в сущности, было не кем, поэтому обновление корпуса региональных руководителей было отложено и затянулось до начала 1950-х гг.

¹ См. например: *Blackwell R. E.* Elite recruitment and functional change: An analysis of the Soviet obkom elite, 1950–1968 // *The Journal of Politics*. 1972. Vol. 34 (1). P. 124–152; *Gorlizki Y., Khlevniuk O.* Substate Dictatorship: Networks, Loyalty, and Institutional Change in the Soviet Union. New Haven; London, 2020; *Harris J. R.* The Great Urals: Regionalism and the evolution of the Soviet System. Ithaca, New York, 1999; *Rigby T. H.* Political elites in the USSR. Central leaders and local cadres from Lenin to Gorbachev. Aldershot, 1990.

² *Мохов В. П.* Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990). Пермь, 1998; *Павлова И. В.* Местное управление в системе сталинской власти // *Гуманитарные науки в Сибири*. Сер.: Отечественная история. 1997. № 2. С. 54–62; ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945–1953 / сост. В. В. Денисов и др. М., 2004.

³ См., например: *Колесников Н. И.* Время и власть: Руководители Сахалинской области советского периода. 1925–1991. Южно-Сахалинск, 2001; *Корсаков С. Н.* Тверские руководители (1917–1991): Партия, Советы, комсомол. Тверь, 2002; Курганская область: лидеры и время: сб. документов (1943–2003). Курган, 2003; Политические лидеры Вятского края: биограф. справочник / под ред. Е. Н. Чудиновских. Киров, 2009; *Царикаев А. Т.* Руководители Северной Осетии (1924–1953 гг.): партия, советы, комсомол: биограф. справочник. Владикавказ, 2015.

⁴ Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза (1898–1991). URL: <http://www.knowbysight.info/index.asp> (дата обращения: 10.01.2021); База персоналий «Кто есть кто в Центральной Азии» // ЦентрАзия: [сайт]. URL: <https://centrasia.org/person.php> (дата обращения: 10.01.2021).

⁵ *Болдовский К. А.* Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». СПб., 2018; *Головинова Ю. В.* Партийная элита Алтайского края в 1938–1955 гг.: социально-историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013; *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М., 2008; *Исмаилов Э.* Власть и народ: послевоенный сталинизм в Азербайджане, 1945–1953. Баку, 2003; *Кометчиков И. В.* «На то я чекист, чтоб обвести райком партии»: как поссорились первый секретарь райкома и начальник райотделения госбезопасности (Смоленская область, 1945–1946 годы) // Новый исторический вестник. 2019. 2 (60). С. 77–107; *Коновалов А. Б.* Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945–1964). Кемерово, 2005; *Метелкина Л. Н.* К вопросу об эскорпорации региональных политических элит в СССР в 1945–1953 гг. // Девятые Байкальские социально-гуманитарные чтения: в 2 т. Иркутск, 2016. Т. 1. С. 214–229; *Наумов С. Ю., Саранцев Н. В.* Партийно-политическая элита страны и руководящие кадры Саратовской области (1941–1991): очерки истории. Саратов, 2016; *Протасов Е. Т.* Формирование и становление государственных институтов Бурятии (1923–1991 гг.): историография и источники. Улан-Удэ, 2016.

⁶ *Васильев Ю. А.* Как снимали Куприянова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 2. С. 24–32; *Лосева И. В.* Массовые политические репрессии в российской провинции: «ленинградское дело» в Горьковской области // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2009. № 2. С. 100–103; *Никонорова Т. Н.* Документы Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934–1952 гг.) как источник изучения экономической преступности в среде партийной номенклатуры: дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. С. 185–200; *Федоров А. Н.* «Челябинское дело»: замена партийного руководства Челябинской области в 1949–1950 гг. // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 53–70; *Brandenberger D., Amosova A., Pivovarov N.* The rise and fall of a Crimean party boss: Nikolai Vasil'evich Solov'ev and the Leningrad affair // Europe Asia Studies. 2019. Vol. 71, no. 6. P. 951–971.

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 127. Д. 1341–1345. Подборка включает около 600 характеристик на 1291 листе.

⁸ *Зеленов М. В.* Реформа аппарата ЦК ВКП(б) в 1939 году // Документ, источник, текст: горизонты современных исследований: сб. науч. тр. Нижний Новгород, 2015. С. 118–122.

⁹ *Болдовский К. А., Пивоваров Н. Ю.* Номенклатурная политика ЦК ВКП(б) в 1939–1948 гг. // *Patnięc i sprawiedliwość*. 2018. № 2 (32). С. 119–120; *Хлевнюк О. В.* Система высшей власти в СССР в годы Великой Отечественной войны: историография, источники и перспективы исследований // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 36; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 992. Л. 15–16; Д. 993. Л. 15–16.

¹⁰ До апреля 1946 г. в отчетах отделов Управления кадров ЦК ВКП(б) о составлении заключений нет ни слова. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 724. Л. 1–203; Д. 998. Л. 1–84; Д. 999. Л. 216.

¹¹ *Болдовский К. А., Пивоваров Н. Ю.* Номенклатурная политика ЦК ВКП(б) в 1939–1948 гг. С. 119–120.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 264. Л. 104.

¹³ Там же. Оп. 127. Д. 1828. Л. 9.

¹⁴ Не удалось обнаружить заключения на первых секретарей уральских, сибирских и дальневосточных обкомов и крайкомов партии. Кроме того, отсутствуют заключения на первых секретарей ЦК КП(б) Украины и Белоруссии, а также Московского и Ленинградского обкомов ВКП(б), хотя на остальных секретарей данных комитетов характеристики имеются. Вероятно, оценка этих руководителей была прерогативой И. В. Сталина и Политбюро.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 993. Л. 18, 39–40.

¹⁶ Там же. Оп. 121. Д. 640. Л. 109.

¹⁷ О качестве заключений очень критично высказывались руководители Управления кадров ЦК ВКП(б). Например, заведующий отделом кадров партийных организаций

А. Н. Ларионов в записке А. А. Кузнецову от 8 января 1947 г. отметил: «...изучение работников организуется односторонне, по-кустарному, примитивно. Мы изучаем работника главным образом при вызове его в ЦК ВКП(б) — в беседе, по личному делу. Слабо изучаем работника по работе, по результатам практических дел» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1334. Л. 3).

¹⁸ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 3–4; № 12. С. 22–23; XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 29–30.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 411. Л. 62–70.

²⁰ В годы войны более трети перестановок среди первых секретарей региональных партийных комитетов произошло в связи с тем, что они не обеспечивали работы оборонных предприятий, не выполняли хлебозаготовок или срывали здания Государственного комитета обороны. Показательными примерами таких замен являются освобождение в январе 1942 г. Г. Д. Сапрыкина (Челябинск) и снятие в июле 1944 г. И. Г. Голубева (Красноярск).

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 993. Л. 32; Оп. 121. Д. 640. Л. 102–103, 106.

²² Там же. Д. 1342. Л. 182–189; ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945–1953. С. 106–108.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1343. Л. 1–2; Д. 1347. Л. 93–94.

²⁴ *Болдовский К. А.*: 1) Падение «блокадных секретарей»... С. 104; 2) Социальный состав руководителей послевоенного Ленинграда по данным учета 1947 г. // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 197–213; *Федоров А. Н.* Функции и кадровый состав партийных органов Урала в первые послевоенные годы: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006. С. 249–250; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 992. Л. 33–34.

²⁵ По оценке Управления кадров ЦК ВКП(б), тяжелая или критическая экономическая ситуация наблюдалась в Архангельской, Астраханской, Великолукской, Воронежской, Горьковской, Калужской, Куйбышевской, Пензенской, Ростовской, Рязанской, Саратовской, Смоленской, Сталинградской, Тамбовской, Тульской, Ульяновской и Челябинской областях, Марийской, Мордовской и Татарской АССР.

²⁶ Например, в заключениях на партийных руководителях таких индустриально развитых областей, как Горьковская и Сталинградская, приводятся данные только по сельскому хозяйству: о сокращении поголовья скота, низкой урожайности и срыве хлебозаготовок.

²⁷ См. например: *Морозова Т. И.* Схватка в партийно-советской элите Сибири 1930 года: провал заговора против Р. И. Эйхе // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2014. № 3. С. 145–146.

²⁸ Речь идет о следующих постановлениях ЦК ВКП(б): «О росте партии и о мерах по усилению партийно-организационной и партийно-политической работы с вновь вступившими в ВКП(б)» (8 июля 1946 г.), «О работе Сальского райкома ВКП(б) Ростовской области» (17 августа 1946 г.) и «О подготовке, подборе и распределении руководящих партийных и советских кадров в украинской партийной организации» (26 июля 1946 г.).

²⁹ Вождизм, проявившийся в тиражировании портретов первого секретаря, публикации хвалебных материалов о нем в местной прессе и наименовании предприятий в его честь, инспекторы Управления кадров ЦК ВКП(б) обнаружили у Н. П. Мазина (Кабардинский обком), И. И. Тураницы (Закарпатский обком) и У. Ю. Юсупова (ЦК КП(б) Узбекистана).

³⁰ Со специалистами и учеными время от времени советовались А. И. Гаевой (Ворошиловград), Б. Г. Гафуров (Таджикистан), Л. Г. Мельников (Сталино), В. М. Чураев (Харьков) и В. В. Щербаков (Калининград).

³¹ «Несрабатанность» или «ненормальные отношения» со вторым секретарем, секретарем по кадрам, председателем облисполкома или со всеми ними были выявлены у Н. С. Боголюбова (Киргизия), И. С. Грушецкого (Львов), И. Т. Колоколкина (Марийская АССР), М. С. Манукянца (Нагорный Карабах), И. Г. Попова (Калуга), А. Ю. Снечкуса (Литва) и Е. Б. Тайбекова (Актюбинск).

³² По мнению инспекторов Управления кадров ЦК ВКП(б), А. И. Марфин и Ф. Н. Муратов не имели авторитета, К. А. Морщинин «оторвался от актива», П. Т. Комарова и В. Т. Прохвятилова местный актив считал слабыми руководителями, С. Я. Киреев «не добился авторитета», а И. И. Профатилов подорвал его своими недостойными поступками.

³³ Согласно заключениям на первых секретарей региональных комитетов, недостойно вели себя С. Т. Бектелеев (Кзыл-Орда), И. С. Грушецкий (Львов), С. А. Кочергин (Мордовская АССР), В. Т. Прохвятилов (Сталинград), И. И. Профатиллов (Вольнь), А. Г. Тараненко (Коми АССР).

³⁴ Региональными руководителями, у которых при составлении заключений не обнаружили ни одного недостатка, были А. Алимов (Наманган), М. Аманов (Джалал-Абад), К. Г. Бечвая (Аджария), П. С. Буланов (Ленинабад), Б. Гафуров (Таджикистан), М. Н. Джурабаев (Сурхан-Дарья), Д. Искандаров (Сталинабад), Н. И. Козлов (Гарм), А. Т. Кушаев (Кокчетав), М. Н. Луценко (Акмола), С. Нурутдинов (Ташкент), М. С. Саидов (Хорезм), П. И. Селезнев (Краснодар), И. М. Турко (Ярославль).

³⁵ В отношении Ж. Шаяхметова (Казахстан), Ф. Н. Муратова (Астрахань) и И. Н. Терентьева (Ульяновск) составители вместо изложения собственных выводов сослались на недавние постановления ЦК ВКП(б), работу Г. М. Бойкачёва (Великие Луки) предложили обсудить на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б), а оценку П. А. Тетюшева (Пинск), недавно приступившего к обязанностям, отложить на полгода. Что касается Б. Гафурова (Таджикистан), А. Т. Кушаева (Кокчетав) и М. Н. Луценко (Акмола), то заключения на них были столь положительными, что инспекторы, видимо, посчитали излишним писать вывод.

³⁶ По мнению инспекторов Управления кадров ЦК ВКП(б), такими секретарями были Л. М. Антюфеев (Псков), И. А. Волков (Тамбов), А. Е. Клещёв (Полоцк), Г. А. Мельник (Северный Казахстан), Н. Г. Нарожный (Ош), Х. Турдыев (Фергана) и В. М. Чураев (Харьков).

³⁷ Таковыми сочли М. Аманова (Джалал-Абад), С. Т. Бектелеева (Кзыл-Орда), Г. Х. Бумагина (Новгород), П. С. Воронцова (Калинин), И. С. Грушецкого (Львов), А. Джаркимбаева (Иссык-Куль), М. И. Золотухина (Кустанай), Ш. Иманалиева (Тянь-Шань), А. П. Кондратенко (Талды-Курган), Ч. К. Кыдрашева (Горный Алтай), Б. Ф. Николаева (Архангельск) и С. В. Слоня (Станислав).

³⁸ Секретарями, не способными «поправить дело», оказались Х. Джураев (Ташкент), П. Т. Комаров (Саратов), М. Г. Кузнецов (Чернигов), А. И. Марфин (Рязань), К. А. Морщинин (Пенза), К. К. Мукумбаев (Бухара) и И. Г. Попов (Калуга).

³⁹ Предлагалось выдвинуть К. Г. Бечваю (Аджария), П. И. Доронина (Курск), П. И. Селезнева (Краснодар), А. А. Сенникова (Чарджоу), Е. Б. Тайбекова (Актюбинск), А. Г. Тараненко (Коми) и П. Ф. Чеплакова (Грозный).

⁴⁰ На такую же должность в другой комитет партии предлагали перевести Г. Н. Куприянова (Карело-Финская ССР), В. С. Маркова (Полтава) и В. Г. Цховребашвили (Южная Осетия).

⁴¹ Среди них оказались П. И. Александрюк (Ростов), С. А. Кочергин (Мордовия), М. С. Манукянц (Нагорный Карабах), Д. М. Попов (Смоленск), И. И. Профатиллов (Вольнь) и В. И. Тищенко (Воронеж).

⁴² Планировалось перевести на менее ответственную работу А. А. Белобородова (Челябинск), С. Я. Киреева (Горький), П. А. Найдёнова (Днепропетровск), В. Т. Прохвятилова (Сталинград), М. Токобаева (Талас), И. И. Турияницу (Закарпатье) и Н. И. Чмутова (Тула).

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1344. Л. 139–141; Д. 1345. Л. 12–13, 22–24, 67–68, 92–93.

⁴⁴ Изучение информации о вторых секретарях региональных комитетов партии в 1947 г. показало, что из них первыми секретарями можно было выдвинуть всего 36 из 170 человек (21,2%) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1346. Л. 156).

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 569. Л. 56–57; Оп. 127. Д. 1335. Л. 2–21, 23–24, 41–42, 50–57; Д. 1347. Л. 14–15; Д. 1354. Л. 136–143; Д. 1357. Л. 60–66; Д. 1684. Л. 75–90.

⁴⁶ Там же. Д. 1335. Л. 123–136.

⁴⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 122. Д. 337. Л. 124, 195; Оп. 127. Д. 1696. Л. 33–42, 53, 58–82.

⁴⁸ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 29. Д. 15. Л. 62–63.

Статья поступила в редакцию 20 января 2021 г.

Рекомендована к печати 22 февраля 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Федоров А. Н. Слабые секретари: региональные руководители СССР 1946–1948 гг. в оценках ЦК ВКП(б) // *Новейшая история России*. 2022. Т. 12, № 2. С. 416–436. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.210>

Аннотация: Статья посвящена причинам, ходу и итогам изучения профессиональных качеств первых секретарей региональных партийных комитетов в 1946–1948 гг. Решение о тщательном ознакомлении с их деятельностью было вызвано стремлением высшего руководства СССР в первые послевоенные годы улучшить состав региональных руководителей и тем самым повысить эффективность всей системы управления. С этой целью в Управлении кадров ЦК ВКП(б) на первых секретарей областных, краевых и республиканских партийных комитетов составили специальные характеристики, содержавшие оценку их организаторских навыков и карьерных перспектив. Оценка этих высокопоставленных работников проводилась не по обычным формальным показателям (уровень образования, политическая подготовка и стаж работы), а по таким критериям, как выполнение заданий центра, стиль руководства и авторитет среди местного актива. По мнению ЦК ВКП(б), именно умение наладить работу партийного аппарата и нормальные взаимоотношения с местными управленцами позволяли региональным руководителям справляться со своими обязанностями. Несмотря на слабый анализ данных, расплывчатые критерии оценивания и их произвольное применение, смягчение и корректировку оценок, были получены неутешительные результаты. Выяснилось, что многие первые секретари региональных комитетов партии не обладали элементарными управленческими навыками, придерживались диктаторского стиля и плохо выполняли поручения центра. Исходя из этого следовало бы заменить половину региональных руководителей, но Управление предложило освободить от занимаемых постов лишь 10% первых секретарей и еще 20% сохранить на работе за счет краткосрочной переподготовки. Тем не менее в 1946–1948 гг. даже такие скромные планы не удалось реализовать из-за отсутствия кадрового резерва, и обновление корпуса региональных руководителей затянулось до начала 1950-х гг.

Ключевые слова: ЦК ВКП(б), кадры, первые секретари, партийные комитеты, партийные органы, региональное руководство, послевоенный период, поздний сталинизм.

Сведения об авторе: Федоров А. Н. — канд. ист. наук, доц., Челябинский государственный университет (Россия, Челябинск); alex_boss@list.ru

Челябинский государственный университет, Россия, 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

FOR CITATION

Fedorov A. N. 'Weak Secretaries: How the Central Committee Assessed the Professionalism of Soviet Regional Leaders in 1946–1948', *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 2, 2022, pp. 416–436. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.210> (In Russian)

Abstract: The article explores the reasons, course, and results of studying the professional qualities of the first secretaries of regional party committees in 1946–1948. This survey was prompted by the desire of the Soviet top leadership in the first post-war years to improve regional leadership and thereby increase the efficiency of the management system. For this purpose, the Cadres department of the Central Committee of the AUCP(b) compiled special characteristics for the first secretaries of obkom, kraikom and republican committees, which included an assessment of their organizational skills and career prospects. The assessment of these leaders was not based on the usual formal criteria (education level, political training and work experience), but according to the fulfillment of the center's tasks, leadership style and authority among local managers. In the opinion of the Central Committee, the ability to establish work of the party apparatus and normal relations with local managers allowed regional leaders to cope with their duties. Despite the weak analysis of the data, vague assessment criteria and their arbitrary application, softening and correcting the estimates, disappointing results were obtained. It turned out that many of the first secretaries of regional party committees did not have elementary managerial skills, practiced a dictatorial leadership style, and chronically failed to perform economic tasks. Based on this, it was necessary to replace half of the regional leaders, but Cadres department of the Central Committee proposed

to dismiss only 10% of the first secretaries and keep at work another 20% due to short-term retraining. Nevertheless, in 1946–1948, even such modest plans could not be implemented due to the lack of a cadre reserve, and therefore the renewal of the corps of regional leaders was delayed until the early 1950s.

Keywords: Central Committee of the CPSU(b), personnel, first secretaries, party committees, party organs, regional leadership, post-war period, late Stalinism.

Author: *Fedorov A. N.* — PhD in History, Associate Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia); alex_boss@list.ru

Chelyabinsk State University, 129, ul. Brat'yev Kashirinykh, Chelyabinsk, 454001, Russia

References:

- Blackwell R. E. 'Elite recruitment and functional change: An analysis of the Soviet obkom elite, 1950–1968', *The Journal of Politics*, vol. 34 (1), 1972.
- Boldovskiy K. A. 'Social structure of postwar Leningrad managing personnel according to the census of 1947', *Modern History of Russia*, no. 3, 2012. (In Russian)
- Boldovskiy K. A. *The fall of "blockade secretaries". The party apparatus of Leningrad before and after the "Leningrad affair"* (St Petersburg, 2018). (In Russian)
- Boldovskiy K. A., Pivovarov N. Yu. 'Nomenclature policy of the Central Committee of the CPSU(b) in 1939–1948', *Pamięć i sprawiedliwość*, no. 2 (32), 2018. (In Russian)
- Brandenberger D., Amosova A., Pivovarov N. 'The rise and fall of a Crimean party boss: Nikolai Vasil'evich Solov'ev and the Leningrad affair', *Europe Asia Studies*, vol. 71, no. 6, 2019. <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1636935>
- Fyodorov A. N. "'Chelyabinsk affair": replacement of the party leadership of Chelyabinsk region in 1949–1950', *Voprosy istorii*, no. 6, 2016. (In Russian)
- Fyodorov A. N. *Functions and cadres of Ural party bodies in the first post-war years* [Candidate of History Dissertation] (Chelyabinsk, 2006). (In Russian)
- Golovinova Yu. V. *Party elite of the Altai in 1938–1955: socio-historical research* [Candidate of History Dissertation] (Barnaul, 2013). (In Russian)
- Gorlizki Y., Khlevniuk O. *Substate dictatorship: networks, loyalty and institutional change in the Soviet Union* (New Haven; London, 2020).
- Harris J. R. *The Great Urals: Regionalism and the evolution of the Soviet System* (New York, 1999).
- Ismailov E. *Power and People: Post-War Stalinism in Azerbaijan, 1945–1953* (Baku, 2003). (In Russian)
- Khlevnyuk O. V. 'The system of supreme power in the USSR during the Great Patriotic War: historiography, sources and research prospects', *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, no. 1, 2018. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2018-090-01-15-26> (In Russian)
- Kolesnikov N. I. *Time and Power: the leaders of the Sakhalin region of the Soviet period. 1925–1991* (Yuzhno-Sakhalinsk, 2001). (In Russian)
- Kometchikov I. V. 'Since I'm a chekist, I can hoodwink the district party committee: How the district party first secretary and the district chief of state security quarreled with one another (Smolensk region, 1945–1946)', *Novyy istoricheskiy vestnik*, no. 2 (60), 2019. <https://doi.org/10.24411/2072-9286-2019-00013> (In Russian)
- Konovalov A. B. *Kuzbass party nomenclature in the years of "post-war Stalinism" and "Thaw" (1945–1964)* (Kemerovo, 2005). (In Russian)
- Korsakov S. N. *Tver leaders (1917–1991): party, Soviets, komsomol* (Tver, 2002). (In Russian)
- Loseva I. V. 'Mass political reprisals in the Russian province: "Leningrad affair" in the Gorky region', *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, Ser. istoriya i politicheskiye nauki*, no. 2, 2009. (In Russian)
- Metelkina L. N. 'On the issue of the escalation of regional political elites in the USSR in 1945–1953' in *Devyatyye Baykal'skiye sotsial'no-gumanitarnye chteniya*, vol. 1 (Irkutsk, 2016). (In Russian)
- Mokhov V. P. *Evolution of the Regional Political Elite of Russia (1950–1990)* (Perm, 1998). (In Russian)
- Morozova T. I. 'A combat in the party-Soviet elite of Siberia in 1930: the failure of the conspiracy against R. I. Eikhe', *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser.: Istoriya*, no. 3, 2014. (In Russian)
- Naumov S. Yu., Sarantsev N. V. *Party-political elite of the country and the leadership of Saratov region (1941–1991): essays on history* (Saratov, 2016). (In Russian)

- Nikonorova T.N. *Documents of the Commission of Party Control under the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (1934–1952) as a source of studying economic crime among the party nomenclature* [Candidate of History Dissertation] (Moscow, 2018). (In Russian)
- Pavlova I.V. 'Local government in the system of Stalinist power', *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Ser.: Otechestvennaya istoriya*, no. 2, 1997. (In Russian)
- Political leaders of the Vyatka Region: a biographical reference*, ed. by E. N. Chudinovskikh (Kirov, 2009). (In Russian)
- Protasov E. T. *Formation and development of Buryatia state institutions (1923–1991): historiography and sources* (Ulan-Ude, 2016). (In Russian)
- Rigby T. H. *Political elites in the USSR. Central leaders and local cadres from Lenin to Gorbachev* (Aldershot, 1990).
- Tsarikayev A. T. *Leaders of North Ossetia (1924–1953): party, councils, Komsomol: biographical reference book* (Vladikavkaz, 2015). (In Russian)
- TsK VKP(b) i regional'nye partiinye komitety 1945–1953*, comp. V. V. Denisov, A. V. Kvashonkin, L. N. Malashenko, A. I. Miniuk, M. Iu. Prozumenshchikov and O. V. Klevniuk (Moscow, 2004). (In Russian)
- Vasiliev Yu. A. 'Removal of G. N. Kupriyanov', *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, 2018. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2018.84> (In Russian)
- Zelenov M. V. 'Reform of the apparatus of the Central Committee of the CPSU(b) in 1939' in *Dokument, istochnik, tekst: gorizonty sovremennykh issledovaniy: sbornik nauchnykh trudov* (Nizhny Novgorod, 2015). (In Russian)
- Zubkova E. Yu. *The Baltics and the Kremlin. 1940–1953* (Moscow, 2008). (In Russian)

Received: January 20, 2021
Accepted: February 22, 2022